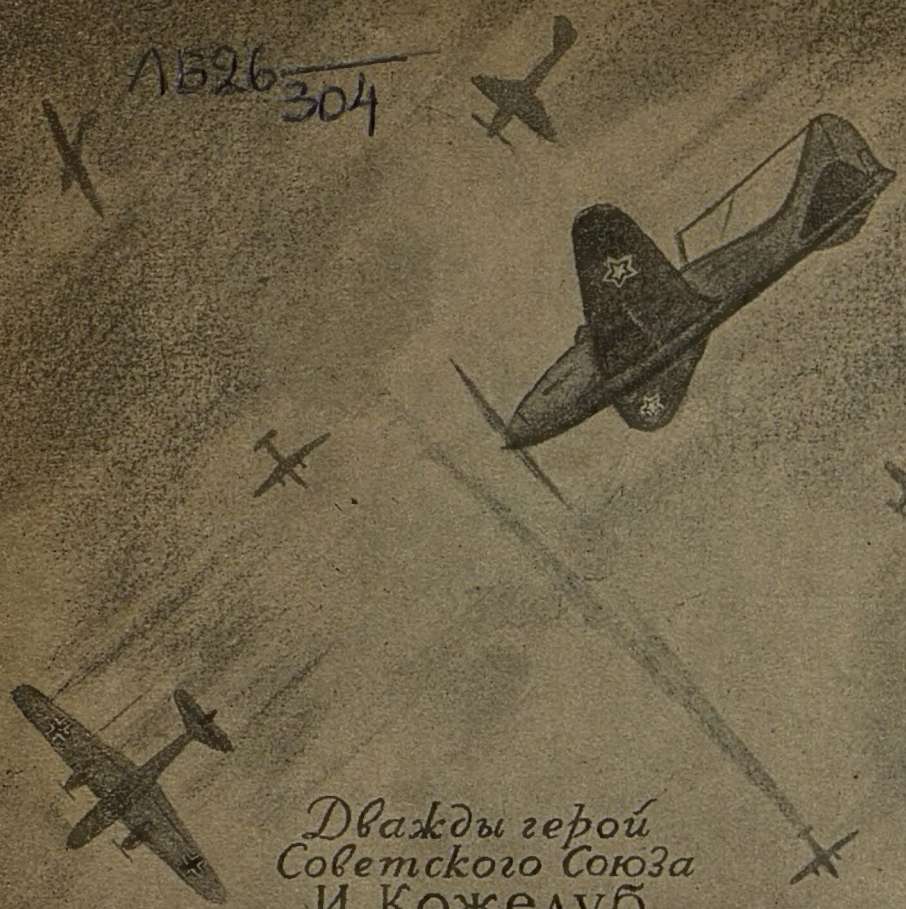
Л526
304



Дважды герой
Советского Союза
И. Кожедуб

ТРИ СРАЖЕНИЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ · МОСКВА 1945

Дважды герой Советского Союза
гвардии майор И. КОЖЕДУБ

1526
304

ТРИ СРАЖЕНИЯ

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
Москва — 1945

2-х экз.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
817894 V

1. НАД „КУРСКОЙ ДУГОЙ“

Два года спустя после начала Отечественной войны мне, сравнительно молодому летчику-фронтовику, впервые пришлось попасть в обстановку большого воздушного сражения. Дело происходило на Белгородско-Курском участке фронта. Помню, в один из ясных дней мы, летчики истребительного полка, лежали под крылом «Лавочкина-5» и, следя по карте за извилистой линией боевого соприкосновения войск, обсуждали, как будут развиваться дальнейшие события. Каждый, как и водится в таких случаях, высказывал свое мнение. Мало искушенный в подобных делах, я молча слушал споры более опытных, бывалых товарищей. В те дни на фронте было тихо. Но эта тишина была явным предвестником бури. Мы видели, как на полевые аэродромы каждый день приходили свежие эскадрильи штурмовиков, бомбардировщиков и истребителей; в прифронтовую зону подтягивались массы танков, артиллерии, пехоты.

Обсуждая между собой положение на фронте, летчики, конечно, не могли пройти мимо того, что происходило в те дни в нашем небе. Несмотря на сравнительное затишье на земле, в воздухе было неспокойно. Частые визиты немцев на наши аэродромы, бесчисленные полеты вражеских воздушных разведчиков говорили о многом. К тому же, пролетая над территорией противника, то тут, то там мы обнаруживали сосредоточение танков или пехоты. Вражеские аэродромы были забиты «Мессершмиттами», «Юнкерсами» и «Хейнкелями».

...5 июля немцы начали наступать. Они старались вбить в боевые порядки наших войск глубокий танковый клин и, прорвав фронт, выйти на оперативный простор. Свой новый рывок на восток враг хотел осуществить как можно быстрее. Для этого на Курской дуге им были сосредоточены огромные силы пехоты, артиллерии, танков и авиации.

Удар противника нами был встречен спокойно, с необычной уверенностью в своих силах. В первый же день битвы наш полк вступил в горячие воздушные бои. Немцы сопровождали свои механизированные части большим количеством самолётов. В воздух поднялись сотни «Мессершмиттов». Большими стаями ходили «Юнкерсы» и «Хейнкели». Всё небо пылало огнем.

В тот день, когда началось немецкое наступление, перед вылетом в первый бой нас собрал командир полка,

— Летчики, — сказал он, — нам надо крепко держать воздух!

Очутившись над полем боя и оглядев небо, я понял, что мы попали в большое воздушное сражение. Признаться, меня, участвовавшего до сих пор лишь в отдельных стычках, ошеломило обилие самолетов, «повисших» над линией фронта. Всё, что я тогда видел, выглядело примерно так. На земле, по дорогам и полям густыми колоннами или же в рассредоточенном порядке ползли на восток вражеские автомашины, самоходные пушки и танки. Движение было столь интенсивным, что на переправах образовывались скопища всевозможной техники. Там, где немецкие войска уже входили в соприкосновение с нашими передовыми частями, бушевал артиллерийский огонь. Сквозь клубы дыма видны были бесчисленные вспышки и разрывы. Гарь пожарищ высоко поднималась вверх. Ее запах ощущался даже в кабине самолета.

Жарко было и в воздухе. Вся масса вражеских танков и самоходных пушек поддерживалась большими партиями пикировщиков, истребителей-штурмовиков и бомбардировщиков. Это был своего рода танково-воздушный таран, которым немцы хотели пробить нашу оборону...

Когда наша эскадрилья во главе со старшим лейтенантом Семеновым появилась над линией фронта, в небе было уже тесно. А к полю боя еще и еще подходили немецкие самолёты. Всего

в поле зрения, по-моему, в тот момент было по крайней мере около 250—300 самолётов. Идя отдельными группами, немцы образовали многоярусный боевой порядок. Внизу, на высоте в полторы тысячи метров, шли «Юнкерсы-87». Чуть выше и обгоняя пикировщиков проносились отряды «Фокке-Вульфов». Еще выше, в плотных строях, плыли двухмоторные бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111». Между ними барражировала охрана. Это были «Мессершмитты» последних, усовершенствованных типов. И, наконец, в самом верхнем ярусе сновали отдельные пары немецких истребителей-«охотников».

Вся эта армада вражеских самолётов направлялась на восток, чтобы прорвать строй наших воздушных патрулей. Ее целью было нанести удар по нашей обороне и тем самым расчистить путь своим наземным войскам. В поведении немцев, их тактике чувствовалась поразительная самонадеянность. Характерная деталь. Заранее рассчитывая на успех, немцы подтянули всю свою авиацию к самой линии фронта. Вражеские аэродромы были настолько близки к линии боевого соприкосновения, что, находясь над полем боя, мы видели пыль от взлетавших самолётов. Все действия врага были рассчитаны на то, чтобы ошеломить, сковать нашу авиацию. Но высокое оперативно-тактическое искусство советских авиационных командиров, стойкость и мастерство наших лётчиков помогли не только сдержать это

воздушное нашествие немцев, но и разгромить их основные авиационные силы.

Такова была обстановка первого дня сражения, которое научило меня и других молодых лётчиков нашего полка сложному искусству группового воздушного боя. Ещё на подходе к линии фронта наша восьмерка «Лавочкиных» получила сигнал с земли о приближении противника. Вслед за этим мы увидели группу Юнкерсов-87. Их было около тридцати. Немецких бомбардировщиков сопровождало шесть «Мессершмиттов».

— Атакуем «Юнкерсов»! — по радио крикнул нам Семенов.

Через три-четыре секунды мы завязали «карусель» с вражескими пикировщиками. Никогда еще не бывая в таком переплете, я с трудом лавировал в гуще самолётов. На небольшом клочке неба наши восемь «Лавочкиных» дрались с многократно превосходящими силами противника. Однако наш командир эскадрильи не терялся. Наблюдая за ходом боя, он непрерывно руководил нами по радио. Одной паре «Лавочкиных» он приказал связать боем шестерку «Мессершмиттов», а с остальными взялся за «Юнкерсов».

Прошло сорок секунд боя. Командир первым сделал почин. Он отколол от строя ведущего «Юнкерса» и зажег его меткой очередью. Потеря флагмана заставила немцев заметаться и вести себя менее уверенно. Один из них несколько приотстал. Воспользовавшись моментом, я почти

вплотную подошел к пикировщику и нажал гашетку общего огня. «Юнкерс» вспыхнул и, дымя, пошёл к земле. В это время один из наших летчиков свалил третьего немца.

Три сбитых немецких самолёта! Для начала это было неплохо. «Юнкерсы», вытянувшиеся уже было в пеленг, не смогли образовать круг. Беспорядочно, не целясь, они сбросили бомбы и стали уходить во-свояси. Мы начали преследование. Но в этот момент с земли последовало новое предупреждение:

— На подходе сорок бомбардировщиков. Атаковать!

Положение для нашей группы складывалось не блестяще. Пробыв изрядное время в бою, мы уже значительно израсходовали боеприпасы. В перспективе же предстоял еще один бой. Кроме того, в момент получения радиосигнала нас неожиданно атаковали «Мессершмитты». Один из них неожиданно зашел ко мне сзади. Мимо борта машины прошла огненная трасса. Спасибо напарнику — пилоту Мухину. Искусным манёвром он спас положение и мастерски отсек немца.

Между тем новая группа «Юнкерсов» приближалась к полю боя. Она шла плотным строем, прямо на нас. В эту минуту я подумал: «Они ходят большими группами, а мы деремся с ними шестерками и восьмерками? Ведь на наших аэродромах сосредоточено множество истребителей. Вот бы сейчас поднять их всех в воздух!»

Дважды герой Советского Союза гвардии майор
И. КОЖЕДУБ

Позже, анализируя первые дни воздушного сражения над Курской дугой, я понял, что сколь ни соблазнительна была эта мысль, она была все-таки глубоко ошибочной. Да, в те часы наши истребители действовали небольшими группами. Но они появлялись в воздухе непрерывно и, чередуясь между собой, били врага всюду, где бы он ни появлялся.

Одновременный подъём всех наших истребителей в первые часы сражения был бы ошибкой потому, что немцы, расположив свои аэродромы у самой линии фронта, также старались действовать непрерывно. Учтя это, наше авиационное командование, экономя и постепенно наращивая силы, имело в своих руках постоянный резерв. Оно бросало в бой этот резерв в зависимости от обстановки. Одновременный же подъём всей массы истребителей после одной схватки мог создать большую паузу, которая была бы только выгодной для врага. Бережно расходуя силы, на первом этапе сражения наше авиационное командование не только сдерживало натиск противника, но и перемалывало его лучшие эскадры. Сражение ещё только начиналось. Победа в нем, несомненно, должна была достаться тому, кто к решающей, критической минуте придет с более сохранившимися, способными к разящему удару силами.

Принятая нашим командованием тактика первого дня сражения полностью оправдывала себя на деле. Возвращусь к бою, который мы провели

восьмёркой «Лавочкиных» с 40 самолетами врага. В этой схватке мы сбили семь немецких бомбардировщиков без единой потери со своей стороны. Рассеяв первую группу «Юнкерсов» и сорвав им организованное бомбометание, наш патруль сумел помешать подходу к полю боя и второй группе немцев. Помогая нам, ее подхватила и окончательно добила свежая восьмёрка «Яковлевых» соседней части. Призыв командира полка «крепко держать воздух» наши истребители выполняли стойко и непреклонно.

Почти непрерывно находясь над полем боя, мы заметили, что наши штурмовики и пикирующие бомбардировщики держались примерно той же тактики. Мы наблюдали, как ниже нас действовали «Петляковы» и «Ильюшины». Появляясь в воздухе относительно небольшими группами, но беспрерывно сменяя друг друга, они наносили целеустремленные удары по наступающим войскам противника и его боевой технике. Действия наших штурмовиков и бомбардировщиков были строго соразмерены и рассчитаны. Основной их целью было держать врага под непрерывной угрозой с воздуха. Это сковывало противника, снижало темп наступления и причиняло большой урон вражеским наземным войскам. С воздуха хорошо были видны дымящиеся немецкие танки и самоходные орудия, значительная часть которых была уничтожена штурмовиками и пикировщиками. Тактика непрерывного воздействия небольшими

группами давала возможность нашим самолётам свободнее маневрировать и отыскивать цели на огромном пространстве поля боя. Однако в тех случаях, когда где-либо обнаруживалось крупное сосредоточение вражеских войск, в воздух тотчас же шли сотни наших штурмовиков и бомбардировщиков.

Временами в небе над Курской дугой создавалась столь сложная обстановка, что руководство боем по радио до крайности усложнялось. На второй день сражения, поднявшись в воздух, мы могли видеть примерно такую картину. Часть наших истребителей, составлявшая воздушный заслон, вела бой с немецкими бомбардировщиками и сопровождавшими их «Мессершмиттами». В этом гигантском клубке дралось по меньшей мере двести — двести пятьдесят самолётов. Несколько ниже, над полем боя, «висело» около пятисот наших штурмовиков и бомбардировщиков. Они громили боевые порядки подвижных войск противника и скопление немцев около одной из переправ.

С появлением наших «Ильюшиных» и «Петляковых» немцы подняли в воздух большое количество истребителей. Произошло массовое столкновение «Мессершмиттов» с нашими «Яковлевыми» и «Лавочкиными». В этот день бой принял настолько яростный и упорный характер, что отдельные группы и пилоты снижались до бреющего полёта. Я был свидетелем гибели двух «Мессершмиттов», разбившихся о землю. Это произошло

из-за того, что упорно дравшиеся вражеские пилоты в азартном бою на малой высоте не смогли справиться с осадкой своих машин.

Несмотря на внешний хаос в воздухе, сражение развивалось своим порядком. Наши штурмовики и бомбардировщики действовали планомерно. Интенсивность их полётов все время повышалась. В свою очередь наши истребители, вылетая по графику, создавали плотный воздушный заслон над линией фронта. Вступая в единоборство с «Мессершмиттами» и «Фокке-Вульфами», они не пропускали без воздействия почти ни одной группы немецких бомбардировщиков.

В результате начатого наступления немцам в первые дни все же удалось несколько продвинуться. Но и на земле и в воздухе чувствовалось, что противник уже «выдохся» и не сможет развить успех. В то же время наши наземные войска и воздушные силы находились в хорошей «форме» и могли в любой момент приступить к контрудару. Выстояв первые дни вражеского наступления и сдержав натиск воздушного противника, наша авиация прочно овладевала господством в воздухе. Это особенно ярко сказалось во второй половине сражения, когда наши войска перешли в контрнаступление.

С первого же дня новой фазы боев большие группы наших истребителей решительно очистили небо от противника. Наши штурмовики и бомбардировщики сотнями поднимались с аэродромов.

Барражируя над полем боя, мы видели, как «Ильюшины» и «Петляковы» эшелонами в 50—100 и более самолётов направлялись на запад и наносили удары по противнику, начиная от переднего края и на всю глубину его обороны. В то время как «Ильюшины» атаковывали оборонительные позиции врага, «Петляковы» сковывали и уничтожали противника на всех дорогах и переправах.

Нас, лётчиков, поражала гибкость управления и многообразие тактических методов, которыми комбинировало наше авиационное командование. Чётко координируя свои действия, одни группы наших истребителей прикрывали поле боя; другие, отсекая немцев, охраняли подходы к линии фронта; третьи вели свободную охоту на вражеской территории. Теперь инициатива в воздухе полностью была в наших руках. Советские лётчики смело действовали над территорией противника. Заканчивая бои, они преследовали немецкие самолёты до их аэродромов.

Столь ошеломляющего удара в воздухе немцы, видимо, не ожидали. Наши действия обескуражили врага. Мы чувствовали, как немецкие пилоты с каждым днём все более и более теряли спокойствие и расчет. Большие потери действовали на них удручающе. Теперь они дрались как-то невпопад, чувствовалось, что их моральное состояние резко надломлено.

В эти дни, очищая путь нашим бомбардировщикам, мы встретили «спаренную» группу противника. Она состояла из «Мессершмиттов» и «Фокке-Вульфов». В коротком бою мы сбили пять вражеских самолётов. Но дело было не только в количестве уничтоженных немецких машин. В этом бою мне бросилось в глаза поведение немецких пилотов, которые, кстати говоря, принадлежали к одной из известных групп асов. Помню, погорячившись в схватке, я допустил ошибку — потерял высоту. Я оказался в невыгодном положении. Однако немцы, — их было двое, — даже не сумели воспользоваться моей ошибкой.

Исправляя промах, я быстро перешёл на набор высоты. Вслед за мною увязались два «Мессершмитта». В их поведении ощущалась большая нервозность. Я спиралью шёл спокойно вверх. Немцы тянулись за мною, идя с чрезмерно крутым углом. Мне, хотя и не весьма опытному в боях, сразу стало понятно, что при таком наборе высоты немцы должны или отстать, или «повиснуть». Я стал внимательно следить за ближним «Мессершмиттом». Действительно, вскоре немец выдохся и, потеряв скорость, «завис». Быстро переложив своего «Лавочкина» в ранверсман, я пошёл навстречу немцу и зажег его с первой же хорошей очереди.

Вскоре интенсивность и размах воздушных боев пошли на снижение. Враг потерпел огромное поражение. Его самолёты появлялись в воздухе все

реже и реже и весьма неохотно принимали бой. Воздушное сражение над Курской дугой было блестяще выиграно советскими лётчиками. Мы полностью взяли инициативу в свои руки. Лично для меня оно закончилось тем, что в мой боевой счёт была вписана первая десятка сбитых самолетов врага. В этом большом сражении было замечательным то, что наше авиационное командование сумело правильно ввести в бой силы. Сохранив их ударную мощь и в последующем перейдя в наступление, мы смогли разгромить сильную воздушную группировку противника.

2. ЗА ДНЕСТРОМ

После битвы на Курской дуге нашему авиационному полку пришлось участвовать в воздушных боях под Харьковом, на Днепре, у Кривого Рога. Во всех этих боях ярко проступала черта нового. Они отличались высоким наступательным духом и боевой инициативой наших лётчиков. Однако, несмотря на это, воздушная обстановка все же продолжала оставаться довольно напряжённой. Немцы понесли огромные потери. Их воздушные флоты лишились тысяч самолётов, большого числа отборных лётчиков. Силы врага были надломлены, но он ещё не был окончательно разбит.

Стараясь восполнить потери, немцы лихорадочно насыщали свой самолёто-моторный парк более

усовершенствованными типами самолётов и моторов. Именно теперь на стороне врага было отмечено массовое появление модифицированных истребителей таких фирм, как Мессершмитт и Фокке-Вульф, еще более усовершенствованных бомбардировщиков и даже нового штурмовика. Каждая из этих машин была усовершенствована с расчётом повышения ее летно-тактических свойств. Установкой добавочной брони немецкие конструкторы повышали живучесть самолётов. Оснащая их новыми пушками, они усиливали огневую мощь своих машин. К тому же более мощные моторы позволяли вражеским самолётам развивать бо́льшую скорость, улучшали их скороподъёмность и маневренные качества. Драться с вражескими пилотами, летавшими на таких самолетах, было нелегко.

В ходе воздушных боёв второй половины 1943 года лётчики нашего полка не раз отмечали, что противник пытается навязывать нам новые тактические приемы, делает всё, чтобы вырвать инициативу из наших рук. Это касалось не только отдельных частных боевых эпизодов, но было заметно и в более широких оперативных масштабах. Например, враг широко стал прибегать к созданию ударных авиационных группировок. За счёт второстепенных, более спокойных районов эти группировки сосредоточивались на угрожаемом направлении. Немецкое командование для этой цели организовало несколько «кочующих» эскадр,

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

которые перебрасывались с одного аэродромного узла на другой, именно туда, где воздушная обстановка складывалась особенно остро. Нашему полку не раз приходилось встречаться с этими ударными эскадрами немецкой авиации. «Старых знакомых» мы узнавали по жёлтым кокам винтов, фюзеляжам, разрисованным тузами, кошками, стрелами, и по боевым приёмам пилотов. В основном это были такие группы немецких асов, как «Удет», «Рихтгофен», «Мельдерс», «Ас-Пик» и т. д., действовавшие почти на всех участках фронта от Балтийского до Черного моря.

Новая тактика врага заставляла наших лётчиков все время быть на-чеку и зорко присматриваться к противнику. В каждом бою всегда нужно было предугадать, что нового предпримет противник. Высокая боевая бдительность, творческий подход к решению боевых задач помогали нам парировать все замыслы немцев и своевременно противопоставлять им свои, более действенные контрприёмы борьбы.

В этом отношении для весны 1944 года довольно показательными являются воздушные бои за Днестром. Речь идёт об отражении попыток немцев организовать контрнаступление на южную группу наших армий, освободивших часть Бессарабии и вплотную пробившихся к Яссам. Разыгравшееся здесь воздушное сражение было весьма напряженным. Лётчикам нашего полка приходилось навязывать врагу по шесть-семь воздушных

боёв. Причем почти каждый новый вылет в тактическом отношении значительно отличался от предыдущего.

Ещё до начала контратак, осуществляемых крупными пехотными и танковыми силами, немцы повели здесь своеобразную силовую разведку в воздухе. Целью этой разведки, повидимому, было как можно основательнее прощупать нашу авиацию. Враг варьировал различные тактические приёмы, стараясь найти именно такие, которые бы создавали для действий его летчиков наиболее благоприятные условия. Много внимания уделялось немцами совместному полёту бомбардировщиков и истребителей. Здесь они шли на различные ухищрения. Помню, однажды они применили такой приём.

Перед отрядами бомбардировщиков они послали несколько групп истребителей. Появление над линией фронта одних истребителей противника вначале даже несколько удивило наш воздушный патруль. Казалось, «Мессершмитты» просто-напросто собрались штурмовать боевые порядки наших наземных войск. Однако это было не так. Как только наши «Лавочкины» вступили в бой, немцы разбились на две партии. Одна из них, отбиваясь от атак «Лавочкиных», начала оттягивать их от Днестра на северо-запад. Другая же группа немецких истребителей, отнюдь не ввязываясь в активную схватку, заняла позицию несколько в стороне от очага воздушного боя.

— Тут что-то не то, — сразу мелькнуло у меня в голове. — Повидимому, каждая из групп немецких самолётов имеет свои задачи. Какие же именно?

Спустя несколько минут всё выяснилось. Как только основные силы наших истребителей ввязались в бой и начали преследовать немецкие самолёты, уходившие в северо-западном направлении, на горизонте появились отряды «Юнкерсов-87». Они держали курс к днестровским переправам. Вот оно что! Значит, «Мессершмитты», охотно вступившие в бой, служили своеобразной «приманкой» и отвлекали наши воздушные патрули от объектов прикрытия. Тем временем вторая группа немецких истребителей, которая не ввязывалась в бой, но в то же время и не уходила от Днестра, должна была «страховать» действия своих пикирующих бомбардировщиков.

Несмотря на сложность обстановки, замысел немцев провалился. Положение выручил командир нашего полка. В это время он находился на переднем крае. Его наблюдательный пункт был в достаточной степени оснащён различными средствами радиолокации и имел хорошую радиосвязь с аэродромами. Внимательно следя за противником и правильно разгадав его уловку, наш командир тотчас же вызвал группу дежурных истребителей. Последние находились на площадке «подскока», расположенной в нескольких километрах от линии фронта. Внезапно появившиеся «Яков-

левы» ударили по немецким бомбардировщикам, а наши воздушные патрули атаковали обе группы вражеских истребителей. Бой длился недолго и закончился очередной победой наших лётчиков.

Здесь же, над Днестром, в подготовительный период операции, для своих нападений с воздуха немцы старались использовать плохую погоду. Вот один из подобных боёв в сложной метеорологической обстановке, в котором довелось принять участие и мне. В тот день небо над Днестром после полудня задёрнулось низкой облачностью. Интенсивность полетов обеих сторон резко понизилась. Но наши авианаводчики продолжали вести неослабное наблюдение за воздухом. Вскоре они засекли большую группу «Юнкерсов», приближавшуюся к Днестру.

Будучи в то время командиром эскадрильи, я получил распоряжение немедленно подняться в воздух. Эскадрилья находилась в полной готовности к вылету — лётчики сидели в кабинах самолётов, и поэтому мы стартовали спустя несколько секунд после сигнальной ракеты. На пути к линии фронта я продумывал план действий, которым можно было парализовать замысел противника. Наблюдения за вражеской тактикой в данном случае подсказывали мне, что, повидимому, немцы, идя до линии фронта за облаками, попытаются бомбардировать наши войска методом внезапного появления из-за облачности, т. е. так называемым методом «выскакивания».

Ещё и еще раз подумав, я принял решение и по радио приказал командиру одной четверки «Лавочкиных» продолжать полёт ниже облачности. Остальную часть воздушного патруля повёл вверх, пробивая облачность. Мои расчеты оказались верными. Едва мы успели очутиться над облаками, как вдали показалось свыше двадцати «Юнкерсов». Полагаясь на плохую погоду, немецкие бомбардировщики шли без сопровождения истребителей.

Немцы, увлечённые расчетами на выход под облака, не заметили нашего появления. Когда «Юнкерсы» образовали круг и вытянулись для бомбометания, мы внезапно атаковали их. Сломав свой походный порядок и тем самым нарушив систему взаимной огневой поддержки, вражеские бомбардировщики оказались в невыгодном положении. Мне сразу удалось почти вплотную подойти к одному «Юнкерсу» и сбить его одной очередью. Еще несколько самолётов было сбито моими ведомыми. Немцы в панике метнулись вниз, под облака. Но удачная расстановка сил дала нам возможность быстро и успешно закончить бой. Он проходил в двух «этажах». Когда немцы, пытаясь спастись от ударов верхней группы «Лавочкиных», пробивали облачность и уходили вниз, там их подхватывала нижняя четвёрка. Немцы снова лезли вверх — и тут опять попадали под стремительные атаки наших лётчиков.

С переходом врага в контрнаступление в небе под Яссами вспыхнули ожесточенные бои. Они сразу же переросли в короткое, но весьма напряжённое воздушное сражение. Стараясь воздействовать на всю тактическую глубину наших наземных войск, враг поднял в воздух свои лучшие истребительные и бомбардировочные эскадры. В первый день сражения немецкие бомбардировщики появились над полем боя на средних высотах. Они шли группами по 50 и 80 самолётов. Каждую группу «Юнкерсов» эскортировало по меньшей мере 30—40 «Мессершмиттов». Вражеская тактика массированных бомбардировочных ударов, обеспечиваемых сильным истребительным сопровождением, обязывала наших лётчиков противопоставить врагу свои, более эффективные приёмы борьбы. Было бы ошибочно думать, что мы нашли их сразу. Нет, так в боевой действительности не бывает. Первый день сражения для нашего полка был не совсем удачным. Мне он хорошо запомнился, ибо ещё раз подсказал необходимость всестороннего анализа каждого боя.

Вылетев тогда по вызову рации наведения, мы появились над полем боя как раз в тот момент, когда смешанная группа самолётов противника, состоящая примерно из 70 машин, приближалась к линии фронта. Мы намеревались было атаковать немецкие бомбардировщики, но сильный эскорт «Мессершмиттов» сразу связал нас боем.

Наш воздушный патруль дрался храбро. Но всё же своей основной задачи он не решил. Около сорока минут мы вели напряжённый бой с «Мессершмиттами» и сбили несколько вражеских самолётов. Но, связавшись с «Мессершмиттами», мы упустили «Юнкерсов», которые успели произвести бомбометание.

Проанализировав весь этот бой, наши лётчики пришли к выводу, что для решения основной задачи — борьбы с вражескими бомбардировщиками — нам следует изменить свой боевой порядок. Тем самым в некоторой степени мы уже сами становились инициаторами боя. Главное было именно в том, чтобы не только парировать приёмы немцев, а энергично навязывать им свою тактику, свои приемы, наступать на врага, брать качеством и ставить его в зависимое положение. Эта мысль нашла себе реальное отражение в построении боевого порядка из нескольких эшелонов истребителей. Такой метод позволил нам вести борьбу с «Мессершмиттами» прикрытия и, главное, создавал все предпосылки к максимальному уничтожению бомбардировщиков противника. Кроме двух основных эшелонов, мы решили выделять ещё одну группу — эшелон усиления. Он не был связан определенной задачей, мог свободно маневрировать в районе схватки и вмешиваться в бой в зависимости от обстановки.

В тот же день наш полк имел ещё несколько встреч с немцами. Наши атаки, проводимые в пе-

рестроенном боевом порядке, сразу же привели врага в замешательство. Они продолжали действовать по шаблону, как и утром. Сблизившись с очередной группой немецких самолётов, мы завязали бой. Наша наиболее сильная группа сразу же взялась за бомбардировщиков, вторая локализовала контратаки «Мессершмиттов», третья вступила в бой, когда окончательно определился ход событий. Она усилила атаки ударной группы и помогла ей разгромить вражеских бомбардировщиков. Всего в тот день советские истребители сбили под Яссами свыше ста немецких самолётов.

Однако, несмотря на потери, немцы продолжали свои атаки. На другой день крупные группы вражеских машин непрерывно появлялись в воздухе. Лётчики нашего полка буквально не вылезали из самолетов. Жара и напряженная обстановка в воздухе действовали изнуряюще. Но успехи каждого нового боя радовали, и мы, несмотря на усталость, дрались с неослабевающей энергией.

Вскоре, несколько понизив интенсивность своих полётов, немцы стали действовать более расчетливо и осторожно. Патрулируя над полем боя, мы обратили внимание на несколько необычный боевой порядок «Юнкерсов». Они шли к линии фронта в трехярусном построении. Оно несколько напоминало знаменитую «этажерку» — боевое построение наших истребителей, творчески найден-

ное ими в воздушном сражении на Кубани весной 1943 года. Теперь немцы, заимствовав у нас эту «этажерку», механически применили её для бомбардировочных действий.

Замысел противника был понятен. Идя уступом тремя группами на разных высотах, немцы рассчитывали на то, что всё же хоть одна из трех групп пробьется к цели. Быстро оценив обстановку, командир нашего полка скомандовал воздушным патрулям «всеобщая атака». Радиостанция наведения в это же время направила к очагу боя ещё одну резервную группу истребителей. Я точно не помню, сколько самолетов участвовало с нашей стороны. Но немцев было много: три группы пикирующих бомбардировщиков по 27 самолётов в каждой группе, 20 «Фокке-Вульфов» и около десяти «Мессершмиттов». Всего более 100 машин! Бой длился сорок минут. Он шёл в трех ярусах. Ни одному немецкому самолёту в расположение боевых порядков наших войск прорваться не удалось.

Этот серьезный воздушный бой был крайне сложным и запутанным и дал нам много поучительного. Некоторые из наших летчиков, особенно молодые, порой теряли своих напарников. В самый разгар схватки исчез и мой ведомый. Я оказался оторванным от своих товарищей и был зажат в клещи четырьмя «Фокке-Вульфами». Маневр «Фокке-Вульфов» представлял собой своеобразную «бочку». Двое из них держались выше

меня. Вторая пара немцев была под моей машиной. Таким образом я оказался почти полностью блокированным. При попытке пойти на высоту на меня устремлялась верхняя пара немцев. Как только я хотел пикированием уйти вниз, открывала огонь нижняя пара немецких самолётов.

Признаюсь, положение было очень трудным. Выход нашелся в резком пилотировании. Решив, что бой в одиночку не даст никаких результатов, я уловил момент, оторвался от немцев и ушел в зону сбора. Там я нашел своего напарника, и мы вместе с ним снова вошли в бой. Надо сказать, что в предвидении сложного боя обязательно следует назначать подобные зоны сбора. Бой, о котором идет речь, несмотря на кажущуюся «кашу», проходил организованно. Случайно потеряв друг друга из виду, наши пилоты быстро встречались в условленном заранее месте и могли продолжать схватку с врагом. Таким образом, более совершенная тактика и четкая организация боя в конечном итоге обеспечили нам победу над сотней вражеских самолетов.

Больше недели за Днестром шли ожесточенные бои. Немцы неоднократно пытались менять свою тактику. Отказавшись от применения средних бомбардировщиков, они пробовали вводить в бой смешанные штурмовые группы, спаривая «Фокке-Вульфов» с «Юнкерсами». Тактика подобных спаренных групп была несложна. «Фокке-Вульфы»,

первыми появляясь над целью, пытались отштурмоваться по нашим войскам и, освободившись от бомб, начинали играть роль группы прикрытия «Юнкерсов». Многоэшелонным боевым порядком, организацией боя в нескольких ярусах, умелым управлением по радио и целеустремленным использованием радиолокационных средств мы тотчас же разбивали все замыслы врага. Сильная ясская авиационная группировка немцев была разгромлена. Только в течение первых четырех-пяти дней сражения нашими летчиками было сбито около 500 немецких самолетов.

Заднестровское сражение ярко подчеркнуло, что в воздушном бою нельзя придерживаться шаблона, что победа сопутствует тому, кто творчески решает боевые задачи, кто является бойцом-новатором, кто умеет предвидеть и настойчиво ищет более действенные приемы борьбы, противопоставляя противнику свою тактику, инициативу и волю. Лично для меня, окончившего это сражение значительно увеличившимся счетом воздушных побед — тридцать четыре, — и для моих однополчан это сражение послужило толчком к еще более вдумчивому анализу вражеской тактики, к еще более настойчивым поискам свежих тактических комбинаций. Впереди еще предстояли ожесточенные, решающие бои. К ним мы, летчики-истребители, должны были притти с еще более эффективными тактическими приемами, разящими противника наверняка.

3. В БЕРЛИНСКОМ НЕБЕ

Весной нынешнего года наш полк перебазировался на полевой аэродром, расположенный на берегу Одера. Да, мы теперь были в Германии. Мы теперь дрались с немцами над их собственной территорией! Наш аэродром находился столь близко от передовых позиций, что немцы часто обстреливали его артиллерийским огнем. После взлета, собираясь на кругу, мы могли видеть поле боя. Столь близкое базирование авиации к линии фронта уже стало для нас делом привычным. В большинстве последних наступательных операций Красной Армии мы, летчики-истребители, шли буквально по пятам наших наземных войск, подсаживались порою туда. где были только передовые танковые отряды. В воздухе же мы стали действовать исключительно за линией фронта, над вражеским расположением. Теперь советская авиация была полным хозяином неба, времена настали иные.

В связи с этим здесь, в нескольких десятках километров от Берлина, мне вспомнился случай, имевший место с одним из летчиков нашей эскадрильи. Произошел он еще на Украине. Тогда немцы в воздухе представляли еще довольно большую силу. Однажды я выслал на прикрытие своих войск шестерку «Лавочкиных». Вначале всё шло хорошо. Наши истребители пришли в отведенную им зону и приступили к патрулирова-

нию. Спустя некоторое время рация наведения сообщила командиру шестерки о подходе группы немецких самолетов.

Получив этот сигнал, «Лавочкины» перелетели линию фронта, сблизились с противником и затеяли что-то вроде воздушного боя. Наш патруль произвел нечто похожее на атаку и немного покрутился на виражах. Затем авианаводчики увидели, как обе группы самолетов — наша и немецкая — разошлись в разные стороны. Немцы — хотя они и не отбомбились — видимо, были довольны, что остались целыми. Наши были вполне удовлетворены тем, что не допустили врага к переднему краю наземных войск. По возвращении «Лавочкиных» на аэродром я вызвал к себе командира патруля:

— Почему вы упустили «Юнкерсов»? Разве так действуют настоящие истребители?

Командир патруля удивленно ответил:

— А зачем было затевать свалку? Они же были над своей территорией и к нам особенно не лезли.

Надо сказать, что подобные наивные рассуждения в ту пору выражали мнение некоторых пилотов. Воздушный бой, о котором идет речь, не состоялся не потому, что летчики испугались немцев. В наш воздушный патруль входили опытные боевые пилоты. Двое из них даже имели по тарану. Причина крылась в другом. Тогда, хотя мы и наступали, кое-кто из наших истребителей действовал еще далеко не так, как в последний период войны,

Были летчики, которые понимали свою задачу довольно узко. Они рассуждали примерно так: «Держись линии фронта. Оберегай свои войска так, чтобы ни одна вражеская бомба не упала на их боевые порядки». Может быть с точки зрения формальной это было и верно. Но по существу это была пассивная оборона, а не активная, наступательная тактика. Истребители, прикрывающие свои войска, должны все свои действия подчинять идее неослабного поиска врага; поиска всюду, где бы он ни находился; поиска и немедленного уничтожения. У летчиков, придерживавшихся пассивного патрулирования, порой дела складывались далеко не так, как следовало. Встречая «Юнкерсов» и «Хейнкелей» над полем боя, они били их, но всё же часть вражеских бомбардировщиков иной раз успевала производить бомбометание и приносила некоторый ущерб нашим войскам.

Я вспомнил тот давно прошедший период воздушных боев с тем, чтобы сопоставить его с нашим последним воздушным сражением, проведенным в берлинском небе. Какая огромная разница между тем, что когда-то было, и тем, к чему мы пришли! В апрельские дни центральная группа наших войск готовилась к решающему удару на Берлин. Этот удар должен был наноситься в тесном взаимодействии с крупными авиационными силами, максимально придвинутыми к линии фронта.

Наш полк, как и десятки других истребительных полков, был в полной боевой готовности. Мы

стояли в непосредственной близости к передовым позициям. Это давало нам ряд преимуществ. За счет сокращения «холостого» маршрута мы получили возможность глубже забираться во вражеские тылы и парализовать противника в его же расположении. Такое базирование было выгодным и для наших штурмовиков и бомбардировщиков. Они могли за счет сокращения бортового запаса горючего значительно увеличить свою бомбовую нагрузку и производить большее количество боевых вылетов. В нашем предварительном аэродромном маневре чувствовалась четкая организация, новизна и наступательный дух предстоящей операции.

Мы знали, что последнее сражение в воздухе будет серьезным. На узком участке фронта против нас немцы сосредоточили около 1 500 самолетов. Здесь были отборные немецкие эскадры — цвет вражеской авиации. К тому же мы стояли на полевых площадках. Многие из них располагались на лесных полянах и имели неудобные подходы. Немцы же базировались на отличных стационарных аэродромах берлинской зоны противовоздушной обороны. Эти аэродромы были хорошо оборудованы различными радиолокационными средствами. В запасе у врага был ряд авиационных новинок — самолеты с реактивными двигателями, различные «фау», самолеты-бомбы и т. д.

Воздушную операцию начали ночные бомбардировщики. С наступлением темноты в воздухе появились сотни «Поликарповых-2», «Ильюшиных-4»

и «Петляковых». Всю мощь своего удара они обрушили на оборонительные позиции и живую силу противника. Никто в нашем полку в эту ночь не ложился спать. С аэродрома нам хорошо была видна вся картина ночного бомбардировочного удара. В небе шарили сотни немецких прожекторов. Под облаками висели тысячи огненных шапок от разрывов зенитных снарядов. Разноцветные трассы зенитных пуль прорезали воздух. А наши самолеты, последовательно, волна за волной подходили к полю боя и сбрасывали бомбы. Всю ночь в небе гудели моторы советских самолетов, грохотала немецкая зенитная артиллерия. Линия фронта была объята сплошным заревом от взрывов тяжелых фугасных бомб. Но всё это было только началом.

С рассветом была подана новая команда. Теперь в воздух пошли сотни «Ильюшиных», «Туполевых» и «Петляковых». Появились крупные группы «Лавочкиных» и «Яковлевых». Как потом стало известно, в этот день советскими летчиками было совершено свыше 17 000 боевых вылетов. Трудно было с воздуха наблюдать за тем, что творилось в эти часы на земле. Но что происходило в небе, запомнилось надолго.

В то время как наши пикирующие бомбардировщики и штурмовики действовали на разрушение вражеской обороны и расширяли брешь для ввода танков в прорыв, всюду над полем боя барражировали наши истребители. Некоторые группы

«Яковлевых» и «Лавочкиных» эскортировали штурмовиков и бомбардировщиков; другие охраняли поле боя; третьи барражировали на подходе к линии фронта с запада. И, наконец, множество небольших групп уходило на запад, к самому Берлину, в район базирования вражеской авиации. Это были «охотники». Их задача заключалась в том, чтобы парализовать действия противника в его расположении.

Внимательно присмотревшись к тому, что происходило в воздухе, можно было представить себе общий принцип тактики наших истребителей. На большой глубине, западнее линии фронта, действовали отряды «охотников». Зная расположение неприятельских аэродромов, они направлялись туда и, «повиснув» над ними, уничтожали взлетающие немецкие самолеты. «Охотники» охватывали своими действиями почти все высоты, от потолка и до бреющего полета. Они не ожидали, пока появится противник, а искали его и тут же уничтожали. Идея их действий была основана не на принципе случайных встреч, а на активном поиске врага.

Другой полосой борьбы являлись ближние подступы к полю боя. Эта полоса опять-таки располагалась над расположением противника, на глубине 10—15 километров от линии фронта. Следовательно, те вражеские самолеты, которые почему-либо пропускались «охотниками», попадали под удар наших истребителей, барражировавших в этой

полосе. Если же врагу всё же удавалось проскочить через эту зону, он подвергался атакам воздушных патрулей непосредственного прикрытия поля боя. Это был вынесенный далеко вперед и глубоко эшелонированный боевой порядок наших истребителей. Это была тактика активного наступательного боя, основанного на многообразной комбинации различных приемов борьбы в воздухе.

Немецкое авиационное командование в первые же часы сражения поняло, что при подобном прикрытии поля боя нашими истребителями ему нельзя рассчитывать на успех. Оно попыталось применить новую тактику. Имея в своем распоряжении большое количество истребителей — штурмовиков типа «Фокке-Вульф-190», немцы бросили их в бой на малых высотах.

Вылетев со своей группой в район боев, я почти с хода столкнулся с одним из таких отрядов. «Фокке-Вульфы» шли на высоте менее 500 метров. Признаюсь, в первый момент это меня несколько озадачило. Что в таком положении должен был делать наш воздушный патруль? Времени на раздумывание не было, мы быстро сближались. Вначале я подумал об атаке сверху. Однако такая атака была невыгодной. Она позволяла нанести максимум один удар. Причем успех этого удара на столь малой высоте был маловероятным, ибо, учитывая высоту выхода из пике, открывать огонь надо было с большой дистанции. Затем мне пришла мысль о методе фланговых атак на

одинаковой высоте с немцами. Не теряя времени, я решил испробовать этот прием.

К этому моменту обстановка сложилась так. Немецкие самолеты-штурмовики начали вытягиваться, чтобы образовать боевой круг. Прикрывавшие их истребители продолжали оставаться с внешней стороны круга. Нашим патрулем была развита большая скорость. Ее следовало использовать для достижения первоначального преимущества. Подав своим ведомым команду к атаке и выжимая из мотора почти всё, что он мог дать, я ринулся на «Фокке-Вульфов». Быстрое прицеливание. Огонь! «Фокке-Вульф» загорелся и, едва успев перевалиться на нос, врезался в землю. Мой «Лавочкин» настолько быстро проскочил сквозь боевой порядок немцев, что они не успели что-либо предпринять. Отойдя от них в сторону и выбрав фланговый «Фокке-Вульф», я повторил атаку. Результат атаки был тот же. Немец загорелся и свалился вниз. В этот же момент один из моих ведомых сбил третий вражеский самолет.

Две наших скоротечных атаки ошеломили врага. Немцы рассыпались. Мы приступили к преследованию. Тут я настиг еще одного «Фокке-Вульфа». Он шел на одной высоте с моей машиной. Заметив, что я продолжаю преследование, немец, наклонив нос самолета, стал прижиматься к земле. Таким образом, он открыл «живот» своей машины. Увеличив обороты мотора, я сократил просвет между своим и вражеским самолетом и, не-

много вынося точку прицеливания вперед, нажал гашетку общего огня. Не выходя из пикирования, «Фокке-Вульф» с хода врезался в землю.

Собрав группу, я снова пересек линию фронта. В воздухе шли сильные бои. Все они происходили не выше 300—600 метров. Но ставка противника на тактику низких высот была бита. В тот день под Берлином только летчиками нашего авиасоединения было сбито 139 немецких самолетов.

На другой день немецкое авиационное командование снова ввело в бой массы своих «Фокке-Вульф-190». Теперь они шли в эшелонированном боевом порядке. Мы в свою очередь перенесли центр действий на подходы к полю боя, в полосе между линией фронта и авиационными базами противника. В чем состояло преимущество нашей тактики? Бои над расположением противника позволяли нам внезапно уничтожать его самолеты и действовать с меньшими для себя потерями. В тех же случаях, когда нашим истребителям по количеству сбитых немецких самолетов атаки как будто бы удавались мало, такой полет всё же достигал цели. Расстроенные группы вражеских бомбардировщиков уже не могли продолжать организованный полет. Немецкие пилоты такими атаками были столь морально подавлены, что не могли производить штурмовых действий.

Большую роль в берлинском воздушном сражении сыграли группы наших «охотников». В «охо-

те» пришлось участвовать и мне. Почти ни один из таких полетов не проходил вхолостую. Внезапность обеспечивала успех наших атак. Именно во время охоты под Берлином я одержал свою 62-ю воздушную победу. Вот для примера один из «охотничьих» полетов, который я провел под Берлином с летчиком Титаренко.

Два наших «Лавочкина» пересекли линию фронта на большой высоте. Мы направились к юго-восточной окраине Берлина, где находилась одна из немецких авиабаз. Чтобы раньше времени не выдать немцам своего присутствия, мы по радио условились о том, что сначала не будем особенно близко подходить к неприятельскому аэродрому. Из зоны ожидания, избранной недалеко от авиабазы, нам хорошо были видны немецкие самолеты, стоявшие на старте. Прикрываясь разорванной облачностью, мы продолжали патрулировать. Наконец, «Фокке-Вульфы» стали подниматься в воздух. Приняв боевой порядок, они взяли курс на северо-запад.

— Первая атака, — передал я своему напарнику. Мое решение исходило из того, что раз немцы находятся около своего аэродрома, как бы у себя дома, то они сейчас чувствуют себя в большой безопасности. Тут они, несомненно, менее бдительны, чем там — вблизи линии фронта.

Уловив удобный момент, мы вошли в пике. На большой скорости наши «Лавочкины» врезались в боевой порядок немецких штурмовиков. В ре-

зультате одного «клевка» нам удалось сбить сразу двух «Фокке-Вульфов». Выходя из атаки, я решил — у нас была большая скорость — использовать высокие маневренные качества «Лавочкина» на вертикали и атаковать немцев вторично. Вдвоем с Титаренко в случае неудачи мы могли оторваться от них в любой момент. Через несколько секунд мы снова «нависли» над немцами. Титаренко подбил одного штурмовика. Вторично повезло и мне. Горящий «Фокке-Вульф», как мешок, вывалился из группы. Продолжать бой дальше было невыгодно — кончалось горючее. Уходя от немцев, мы заметили, как они производили какое-то замысловатое перестроение, потом легли на обратный курс и вернулись на свою базу.

Идея воздушного боя — искать и уничтожать противника на подходах к фронту, на мой взгляд, является самой правильной. Она полностью олицетворяет наступательный дух советских истребителей. Именно благодаря этому они безраздельно господствовали в берлинском небе, в небе последнего воздушного сражения Отечественной войны.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Над «Курской дугой»	3
2. За Днестром	16
3. В Берлинском небе	29

Редактор *Р. М. Воронова*
Технический редактор *Е. Н. Еремеева*
Корректор *Н. П. Буранова*

Г800710. Подписано к печати 23.7.45. Изд. № 356. Объем 1¼ п. л. 1,27 уч.-авт. л. Зак. 610.

1-я типография Управления Воениздата НКО имени С. К. Тимошенко

Цена 20 коп.